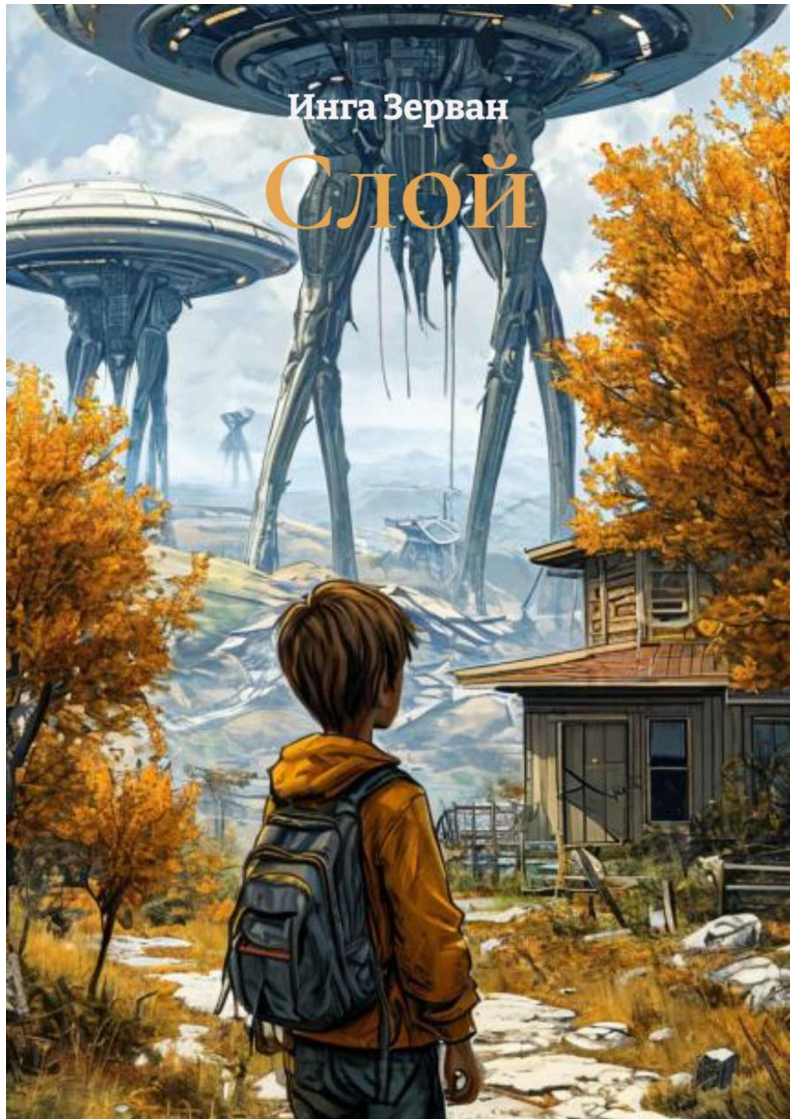

Инга Зерван

СЛОЙ

Инга Зерван

Слой

<https://litres.ru/74036151>

SelfPub; 2026

Аннотация

«Слой» — это мир, где после вторжения инопланетян люди начали меняться. Телепаты, контактёры, эмпаты, оборотни. Но их способности — не суперсилы из комиксов. Они болезненны, бесполезны, а иногда и смертельны.

Рой — мальчик, который проснулся однажды в пустом доме. Всё, что осталось от его родителей, — белый пепел на полу и странное существо с персиковой шерсткой, которое говорит «чок-чок».

Рустам — человек без памяти. Он не знает, кто он, откуда и почему его тело помнит то, чего не помнит разум. Единственный дар, который он получил в новом мире, — способность впитывать чужие жизни через прикосновение. И плата за это - собственная жизнь.

«Слой» — это роман о том, что человек больше, чем его память. Больше, чем его способности. И что любовь — иногда единственное, что остаётся, когда рушится всё. Даже если мир оказался сложнее, чем мы думали. И глубже.

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	10
Глава 3	15
Глава 4	19
Глава 5	24
Конец ознакомительного фрагмента.	29

Инга Зерван

Слой

Глава 1

Рой проснулся в тишине и не мог угадать, где его мама. Обычно где-то поблизости были слышны её шаги, или звук льющейся воды и позвякивание посуды, или мирное урчание стиральной машины. Хуже, когда Рой просыпался от криков родителей и накрывался одеялом с головой, но голоса проникали под толстое одеяло: мамин тонкий и папин сиплый. Потом громко хлопала дверь и слышались мамины всхлипывания. Рой выпрыгивал из кровати и бежал к ней, утыкался головой в подол платья, обнимал крепко-крепко, и мама затихала, начинала гладить Роя по непослушным волосам, потом поднимала его на руки, обнимала и улыбаясь говорила:

— Мы-то с тобой справимся в любом случае, ты у меня самый сильный мальчик. А папа. Да, куда он денется. Скоро придёт.

Тишина затягивалась. «Может, мама вышла на улицу?» Но тогда бы сквозь стены прорезался противный голос соседки, наставлял бы, спрашивал, без умолку, без возможности ответить. Рой прислушался, с улицы не доносилось гудения машин, криков, пения птиц, кошачьих рулад. Ничего.

Хотелось пить. Рой зевнул, потёр кулачками глаза, откинул одеяло и босиком побежал на кухню. У холодильника остановился, огляделся. Мама нигде не было. Рой приоткрыл дверцу морозилки, мороженое сверкнуло блестящей обёрткой. Мальчик потоптался на месте, потом вытащил пачку мороженого и отнёс к столу, снял обёртку и положил лакомство в широкую чашку. Вздохнул. «Может, мама с папой уехали в магазин?»

После сладкого Рой выпил стакан воды и побежал в туалет, на обратном пути остановился у родительской спальни. Потоптался у двери, если постучать, как они того требовали, и если спят, то узнав про съеденное мороженое, могут и наругать. Мальчик приоткрыл дверь и в образовавшуюся щёлку увидел краешек вздыбленного одеяла. Приоткрыл пошире, в комнате оказалось пусто. Рой озадаченно смотрел на кровать. Мама первым делом заправляла её и даже папа в свой выходной день, просыпаясь позже, застилал одеяло. Это негласное правило подтверждалось папиным голосом «Порядок в мелочах, сынок». На глазах мальчика навернулись слёзы. Рой подбежал к кровати, забрался под одеяло, свернулся в клубочек, недолго повсхлипывал и уснул.

Второй раз Рой проснулся от настойчивого писка. Мальчик немедленно соскочил с кровати, подбежал к приоткрытому окну и выглянул наружу. На лужайке перед домом копошился какой-то зверёк, он подпрыгивал и падал обратно в траву с отчаянным писком. Рой стремглав помчатся из ком-

наты по коридору, на кухню и в боковую дверь, что вела во внутренний дворик. Зверёк затих и лежал на земле расправив в стороны лапки-крылья. Пушистая шёрстка нежного персикового цвета и чёрные глазки-бусинки, полупрозрачные розовые ушки, маленький бугорок-носик – Рой недавно смотрел телепередачу про мелких животных и теперь пытался вспомнить название зверька. Рой присел рядом на корточки и спросил:

— Ты белочка или хомячок?

— Чок-чок. — Неожиданно ответил зверёк, перевернулся на бок и уселся, копируя мальчика. Рой удивлённо раскрыл глаза и молча смотрел на существо. Зверёк протяжно вздохнул, пискнул, отчетливо повторил «чок-чок» и придвинулся ближе. Рой замер. Так они сидели с минуту, потом мальчик спросил:

— Ты меня не укусишь?

— Ишь чок-чок. — Ответило существо и снова протяжно вздохнуло.

— Не грусти. Моя мама тоже ушла. Она придёт. Они с папой поехали в магазин.

Рой медленно протянул руку и пальчиком коснулся маленького ушка, погладил. Зверёк тотчас потянулся навстречу, выгнул спинку и довольно заурчал, ощутив поглаживания. — Хочешь, я возьму тебя домой? Мама разрешит. — Про папу Рой решил промолчать, стоило убедить маму, и папа согласится. — У меня есть печенье. — Печенье. — По-

вторил зверёк и затих в ладошках у Роя. Мальчик поднялся и бережно понёс зверька в дом: — Я назову тебя Чок-чок. — Чок. — Послушно отозвался зверёк.

На кухне Рой залез на стул, достал пачку печенья из шкафчика и насыпал перед Чоком целую горку прямо на столешницу. В холодильнике обнаружилось молоко и большой кусок пирога. Мальчик налил молоко в стеклянную чашку и поставил в микроволновку: — Молоко надо пить тёплым, а то горлышко заболит. — Знакомым назидательным тоном сказал Рой и резко замолчал. Горе показалось таким сильным, таким страшным, что мальчик дёрнулся всем телом, у него перехватило дыхание и он замер, глядя перед собой в одну точку.

— Чок. — Зазвенело пронзительно, и мальчик вышел из ступора. Задышал. Оглядел кухню и только сейчас заметил на полу белые следы. Посмотрел на свои босые ноги и тёмно-синюю пижаму, вся она была обсыпана чем-то белым. Зверёк забрался по рукаву на плечо, и они пошли вместе. Рой знал куда ведут эти следы.

Прошло два дня. Молоко и хрустящие хлопья закончились. Рой попробовал открыть консервную банку с горошком, получилось проткнуть и выпить сладковатую водичку, а потом он долго провозился, поцарапал руку, зато смог вытряхивать горошек по одному из расковырянного открывашкой отверстия. Спал Рой на пушистом прикроватном коврике в спальне родителей, притащил из своей комнаты одеяло

и подушку. Когда на улице слышался шум, Рой прятался под кроватью, как сейчас.

— Хозяева, есть кто дома? Мы хотим жрать. Аууу. — Да, брось ты, нет здесь никого. — Да, не скажи, судя по следам бегал ребёнок. Будем его искать? — Ты дурак? Зачем нам проблемы с чужим ребёнком. — Ну, если ты так говоришь, то незачем. Дом на автономном питании, пойду гляну как тут устроено. — Зачем тебе? Мы едем в Город, там есть всё, что душа пожелает. И безопасно. — Уверена? — Ты меня знаешь, я чую хорошие места и жратву. Так вот, здесь, не густо с едой, а готовить я тебе не нанималась. И тем более кого-то нянчить. — Ясно. Может, останемся с ночевкой? — Говорю же, такого, чтобы сразу можно было съесть, нету. В подвале вино, в морозильном ларе мясо, но готовишь ты. А лучше поехать на запад, там заправка и магазинчик, недалеко отсюда. Где заправка, там тачки, сам знаешь. На новой тачке мы быстро до города домчим. — Ладно, уговорила. Я в подвал и обратно.

Рой дождался, когда голоса затихнут, услышал, как хлопнула входная дверь, и только потом вылез из-под кровати. Из кухонных шкафчиков на пол была вывернута вся требуха, в холодильнике стояла одинокая бутылка. Рой поставил её на стол, пробочка легко открутилась. Мама категорически не разрешала трогать бутылку и тем более открывать. Рой наклонился над ней, понюхал и тотчас отшатнулся, в нос ударило что-то резкое, жгучее, в глазах зашипало, и на стол

закапали крупные слёзы. «Мама не вернётся» вдруг понял мальчик. Его плечи задёргались, воздуха не хватало, а потом Рой заплакал, громко, в голос, безутешно. Из капюшона курточки на плечо мальчику перебрался зверёк, прижался к уху и тихо замурлыкал.

Глава 2

Пальцы пошкрябали по жёсткому ворсу, в голове стучал один, нет, два вопроса. Первый, это «Где я?», и второй: «Кто я?». Туман. Глаза открывать не хотелось, воспоминания о женских тёплых руках на лице, нежный голос, однако, слов не разобрать, лёгкий поцелуй в лоб и в нос, волосы смешно щекочут кожу, изнутри поднимается щемящее чувство, и рвётся из горла простым словом. Забытым словом. Сейчас ухвачусь, кажется, вот же оно. Нежность переливается через край, и следом горечь, так что во рту вязнет, и невозможно терпеть. Язык пробегается по зубам, сглатываю, и. Пустота в голове. Судорожный вдох, открываю глаза, передо мной серый потолок с чёрными подвижными пятнами, а нет, это проходит. В помещении сумрачно, я кажется лежу на полу, на паласе, справа диван и журнальный столик, слева офисный стол, стулья, шкаф со стеклянными дверцами, и пахнет лекарством. Больница. Я легко вспоминаю названия, но не помню кто я и как здесь оказался. Подняться на четвереньки удалось с третьей попытки, в теле будто долго сжимали, скручивали и растягивали пружинки, а потом отпустили, и они провисли все разом. Руки, ноги противно дрожат, а в желудке пусто и тошнотворно. Ползу к журнальному столику, на нём графин с водой. Пью. Жадно. Вода сладкая, живительная. В животе заурчало. Можно жить.

На стене висит зеркало, я подхожу и пытаюсь вспомнить своё лицо. «Вот, чёрт, я даже не сразу сообразил, что я парень. Станный парень: ресницы и волосы белые, глаза бледные, уши оттопыренные. Волосы до плеч.» На ум приходит слово «альбинос» и следом понимание, что следует избегать солнечных лучей.

Я оглядываю комнату, похоже на ординаторскую, может, здесь есть моя карта. Ищу. Найденную в столе плитку шоколада автоматически кидаю в карман, нащупываю там очки. Широкие, солнцезащитные. Несколько выписных листов: Никита, Олег, Рустам, Альберт, Александр, Вадим. У всех проблемы с глазами. Трех откидываю по возрасту. «Да, без разницы. Буду Альбертом, альбинос Альберт, логично же. Вряд ли Рустам, хотя Александр вполне может быть, или Рустам тоже? Рустам ближе, теплее.»

— Рустам. — Голос хриплый, режет по ушам. «Был ли я Рустамом? Может, здесь и нет моей карты». Однако, имя приятно перекачивается на языке, мягко сопровождает дыхание и резким "там" смыкает рот.

Бросаю последний взгляд отражению, подмигиваю самому себе и выхожу в длинный коридор с приглушённым освещением вспыхивающих, по мере моего движения, ламп. Выбранное имя рождает в душе непонятное ликование, и я начинаю посвистывать, заглядывать в палаты. Ничего и никого, только рассыпанный на полу белый порошок местами. Я на пятом этаже, лифт не работает, спускаюсь по лестнице на

первый этаж, и в вестибюле вижу первого человека. Старик, довольно крепкий на вид, сидит в кресле, сбоку прислонена белая костяная палка, одного глаза нет, второй смотрит прямо перед собой. Говорил он с трудом, тщательно вымеряя слова.

— Присаживайся. Времени мало, Рустам. Ты ведь так себя назвал. — Откуда. Откуда вы знаете? — Скоро поймёшь. Не отвлекайся, им всё равно на наши мучения. У них своя миссия. А твоя – собирать память. И начнёшь ты с меня, я ждал. Возьми меня за руку. — Что? — Руку. — Старик с трудом сдвинул широкую ладонь с колена, она медленно сползала вниз, и вниз, и я подхватил её, и тотчас перед глазами закружилась карусель чужой жизни. Солнечные блики, тяжелые взмахи косы и трава ровными рядами падает, иногда брызгает сок из срезанной дудки борщевика. Карусель световых пятен. Сын на руках, крохотные пальчики сжимают почерневший от въевшегося мазута палец отца. «А, сильный какой. Не отпускает, гляди-ка». Мелькание. Затёкшие ноги, ночь, тихий хруст внизу под деревом. Кабан на прицеле, замер, чувствует. И вдруг резко кидается в сторону. Выстрел. Визг. Кадры сменяются. Перед носом интересная книжка с крупными буквами. Свечной огарок вот-вот потухнет. Вспышка и новое воспоминание. Странные, медузообразные существа в коридоре больницы, одно из них подплывает ближе. Дикий страх охватывает тело. Существо что-то говорит, говорит другим медузоподобным, а я на мгновение

ухватываю его суть, его безразличие к происходящему, будто меня и нет. Смена кадра: белесый парень подходит ближе, смотрит с любопытством. Пустой. Одно имя – Рустам, присвоенное. Приходит за мной, моё время вышло.

Я очнулся в кресле рядом со стариком, за мгновение до того, как он рассыпался в пепел. Во мне еще гудели его живые воспоминания, его сожаления и надежды. Совсем недолго я был им, жил его жизнь, ощущал, любил, горевал, ненавидел и презирал, восхищался, преодолевал и смирился. Время старика было на исходе, я только успел забрать его память, снять копию его жизни. Которую я почти забыл уже, воспоминания старика ухнули куда-то в моё беспмятство. Остались обрывки. В одном из них – странные существа. Это о них старик сказал, что им всё равно на людей, и я это ощутил, как будто бы старик мог глядеть в суть любого существа будь оно человеком или инопланетянином. Им всё равно, и они заняты своим делом. Как это касается нас, людей? Почему мне попался только старик? И, кажется, я теперь догадываюсь о происхождении белого пепла. Живые остались?

Я сидел в кресле, пока голова не перестала кружиться, потом встал и направился к выходу из больницы. За стеклянными дверями меня ждала ночь. Встретить существ я не боялся, они вряд ли проявят любопытство к выжившему аборигену. К тому же у меня начинал подвывать живот, и зоной моего ближайшего интереса сейчас был какой-нибудь продуктовый магазин. Решить с насущным вопросом, остальные

как-нибудь потом. Я направился наискосок по протоптанной тропинке к моргающему вывеской киоску. В городе кое-где горели огни, и даже в буквальном смысле несло дымом от пожара. Остаться здесь, пока есть электричество, в той же больнице, например? Я вдруг почувствовал себя слишком усталым, чтобы в ночь отправляться в путь. Надо было поискать буфет. Однако, возвращаться в больницу не хотелось. Я дернул ручку двери, она легко поддалась. В киоске тускло светила лампочка. Достаточно, чтобы я разглядел на прилавке жирные чебуреки и пластиковые контейнеры с салатом «Цезарь».

Глава 3

Когда-то я мечтал жить за городом. Тьфу-ты. Встряхиваю головой и отгоняю морок. Это не моя мечта. Возможно, она передалась мне от встреченных мной людей. Я понял, что мне достаточно прикоснуться к чьей-нибудь коже, и чужая память тотчас нахлобучивает меня так, что я теряю сознание. Жуть как неудобно. Меня ограбили по дороге из города, забрали тщательно собранный рюкзак, и даже шарфом не погнушались. Я знаю кто, знаю мотивы, но толку. На первой попавшейся заправке я собрал дорожную сумку заново, налил кофе в термос, надел перчатки, и обмотал шею розово-серым палантином. Мне не выбирать. Капюшон хорошо скрывает лицо, но его недостаточно для защиты от солнца. На кассе стоял крутящийся стенд с антибликовыми очками для водителей. Я взял себе парочку, а, потом разбил витрину и взял аккумуляторный фонарь. Как-то быстро привыкаешь брать, что хочется, не заглядывая в кошелек. А может, я что-то такое делал уже? Моё тело иногда меня удивляет своими реакциями. Я стал избегать людей, три дня назад, меня увидели двое мужчин и погнались за мной, я, не думая, прыгнул и уцепился за балкон, и потом тело вынесло меня на крышу пятиэтажки. Это здорово, только бы узнать, как включается данный девайс. Со страху? Потом я как дурак ходил и не знал, как спуститься вниз. Получилось забраться

через узкое окошко на пыльный, усыпанный голубиным по­мётом, чердак, а потом просто повезло, что люк в крайний подъезд был не заперт. Я спускался вниз, дергая все двери, они оказались запертыми, а потом на площадке третьего эта­жа я увидел девушку, она испугалась меня и прошла сквозь стену. Наверное, после этого моя или не моя мечта убраться из города стала невероятно привлекательной. И к вечеру я уже шёл по трассе. Иногда издалека я видел существ, по­хожих на чёрных медуз, встречаться с ними тоже не было никакого желания. Мне хотелось куда-то уйти, скрыться, и чтобы меня не трогали, не доставали, и вся это непонятная апокалиптическая чехарда в мире меня не интересовала. Со­всем. Да, прилетели инопланетяне, да, они что-то сделали с планетой и исчезла масса народа. Меня не трогало. Я ничего не чувствовал, а если и чувствовал, где гарантия, что это я? А не влюбленная учительница, такая маленькая, метр с кеп­кой, я столкнулся с ней в аптеке и впитал все её воспомина­ния о Нём. И даже сам глотнул эйфории и восхищённо пла­вал в обрывочных воспоминаниях девушки о нём, очкастом додике помешанном на карьере. Теперь это ощущение «за­дурил голову» знаю собственной кожей. Моя память попол­нилась архивами чужих воспоминаний. Девушка дождалась, когда я очнусь и только после этого сбежала, не стала разго­варивать, и я не позвал её по имени, хотя мог, знал. Не хоте­лось. Я понял, что от прикосновений со мной не рассыпают­ся пеплом, и ещё в чужом прошлом я увидел себя из своей

настоящей жизни. Фрагмент, где я иду по улице, надвинув капюшон на лицо с гитарой за спиной, останавливаюсь у высокого здания, кого-то высматриваю в толпе. Каким я был? Что мне пришлось пережить? Наверняка, что-то мерзкое, о чем и не стоит вспоминать. У каждого из встреченных мной людей, что оставили мне свою память, были отвратительные моменты в жизни.

Когда я прикрываю глаза, представляю огромный темный склад, и пластиковые полупрозрачные контейнеры. Они подписаны. Дюймовочка Лия. В её контейнере в общей серой массе содержимого плавают жёлтые звездочки – это хорошие воспоминания, синие огоньки тоже неплохие, а вот красные лучше не трогать. Проблема в том, что жёлтые звездочки трудно достать, а красные сами нападают и жалят воспоминаниями. Не хочу. Пусть себе стоят на полках. Мне главное выдерживать первый контакт и загрузку посторонней памяти. Пустых контейнеров здесь бесчисленное множество. И нет моего. Я стал монстром? Настолько пустой, что присваиваю себе всё: имя, чужие воспоминания и опыт, еду, вещи. К горлу подкатил тошнотворный ком. Я постоял минуту, вглядываясь в узкое зеркало, где застыло моё непривычное ещё отражение с красными пятнами на щеках, где обгорела кожа, с красными веками глаз, но не нашёл в себе силы посмотреть в свои зрачки. Кого я там увижу?

Я оглядел заправку, пожалуй, пока мне достаточно того, что я взял. После перекуса хотелось вздремнуть. Я зашел в

подсобку, здесь у маленького окошка стоял старый продавленный топчан, я запер дверь и упал. Не страшно, даже если сюда нагрянут гости, выберусь через окно.

Сквозь сон я слышал чьи-то голоса, кто-то подергал дверь, и я стал медленно подниматься из глубокого колодца беспомощности. Терпеть не могу, когда меня беспокоят. Я сел, прислушался. Голоса громкие, отчетливо слышны женские возмущения и мужской оправдывающийся бас.

— Я не хочу ночевать здесь, загрузим авто и к вечеру будем в городе. — Но, милая, давай хоть отдохнём, куда спешить? — Дурак. Ты не понимаешь, я чувствую, что чем раньше мы туда доберёмся, тем лучше для нас. Не спорь. — Хорошо. Как скажешь. Но ты не жалеешь, что оставила на ферме ребёнка? Возможно, он жив. — Как ты меня достал уже. Да, я сейчас тебя оставлю с твоим нытьём. — Да, молчу я. Так, спросил. Нет и нет.

Голоса затихли, блимкнул колокольчик над дверью. Сердце рвануло с места и бешено заколотилось. Я рванул следом, и успел выскочить, когда мужчина садился в микроавтобус. — Пойдите. Подождите. — Езжай. — Заверещала женщина с взъерошенной причёской на голове.

Я сдёргнул перчатку с руки, успел ухватиться за дверцу машины и прикоснуться к щеке водителя. Меня отшвырнули прочь, но это уже было неважно, я медленно падал на асфальт, пролистывая чужую память в поисках фермерского дома.

Глава 4

В меня будто вдохнули силы, я только что не бежал по гравийной, хорошо укатанной дороге к аккуратному домику на холме. Я не понимал почему новость о незнакомом мальчике послужила для меня пусковым крючком, почему я торопился его увидеть. Перед плетеной изгородью я притормозил, отдышался, отворил калитку и направился по песчаной дорожке к дому. Вряд ли мальчик запер дверь, я повернул ручку и вошел в небольшую прихожую, сразу переходящую в просторную кухню-столовую. Темно-зелёные шторы на окнах, деревянный стол и шкафчики, горчичные стены, серый диван с подушками в цвет штор. Здесь довольно мило. И тихо. Я поставил сумку с продуктами и вещами на стул, и сам сел на другой рядом. Сил на поиск и знакомство с мальчиком не оставалось, возможно, что он уже спит, на часах было двадцать минут десятого. Я расстегнул куртку, снял с головы капюшон, достал из сумки печенье и пачку молока, выложил перед собой. Потом отодвинул в сторону, и упал лицом в сложенные перед собой руки. Сон будто ждал, и мое сознание начало медленно отлетать, пока кто-то не закричал чуть ли не в самое ухо: — Чок. Чок. Я приоткрыл левый глаз. Передо мной стоял сероглазый мальчик лет пяти, а на его плече восседала странная мышь и кричала «чок-чок». — Печенье с молоком будешь? — Полушепотом про-

ворочал языком. Мальчик кивнул, но с места не сдвинулся. «Да, зачем мне это вот всё» мысленно вскричал я, однако, открыл коробку с печеньем, поставил перед мальчиком: — Неси кружку. Мальчик попятился к буфету, достал кружку и принёс её мне. — Молодца. Пей. Молоко тёплое, нагрелось пока нёс. Ты ужинал сегодня? Мальчик отрицательно покачал головой, взял печеньку и дал её своей мыши. — Ты садись за стол, я сейчас возьму блюдце и налью молока твоему питомцу. Меня зовут Рустам, я пришёл к тебе, — я хотел продолжить, но не знал как. — Вы знаете мою маму? — Спросил малец. — Ээээ. Понимаешь ли, я потерял память. Не помню ничего. Но я знаю точно, что я должен был прийти к тебе и принести еды. — Моя мама ругает папу, когда он забывает купить печенье. — Да-да. Точно. Видишь, я не забыл. Мальчик повеселел. Странного вида зверёк держал кусочек печенюшки в правой лапке, окунал его в молоко и ел. — А как зовут твоего питомца? — Чок. А меня Рой. — Буква «rrr» получалась у мальчика чётко: — А ты похож на эльфа. — Да, похож. — Я смотрел на мальчика. Вызовет ли потерю сознания прикосновение или нет? Что там памяти у ребёнка, кот наплакал. И зверюшка, есть ли у неё память? Но для начала, надо запереть дом на ночь. Из памяти мужчины я выудил воспоминания о том, где стоит автомобиль, где есть генератор, аккумуляторы, как устроена система водоснабжения. Воспоминания сопровождались чувством удовлетворения, одобрения и радости от вида хорошо организо-

ванного хозяйства. Мужчина, что встретился мне на заправке занимался ремонтными работами и строительством, мастер на все руки. Тихий подкаблучник знал и любил свою работу, в своём гараже он разводил бабочек, но гусеницы ему нравились больше. — Что ж, Рой, я, наверное, лягу спать здесь, — Я смотрел на мальчика, никаких чувств он у меня не вызывал, скорее досаду, что придётся теперь побыть ему вроде няньки. Я же не добрый самаритянин, что, услышав о брошенном дитятке, бросился его спасать? Или добрый? — А ты прочитаешь мне сказку? — Мальчик поставил пустую кружку на стол и посмотрел на меня, мы встретились взглядами, и я ответил до того, как придумал отговорку. — Конечно. — Конечно. — Отчетливо произнёс зверёк, что уже сидел у мальчика на плече. У меня отвисла челюсть. Отчего-то медузоподобные инопланетяне не вызвали у меня такого удивления, как мелкое существо, что повторяет слова. — Он говорящий? — Да. Он мой лучший друг. — Выражение лица у Роя при этих словах было уморительно-важным. Мне показалось, что и у зверька на мордочке появилось то же выражение. — О, — только и нашёлся сказать я. Мальчик вздохнул и взял со стола конфету: — У меня есть книжка про страшного пирата, я его не боюсь. — Хорошо. Идём читать твою книжку? Мальчик кивнул, слез со стула и протянул мне ладошку. Я не стал снимать перчатки, взял Роя за руку, и мы пошли в детскую комнату. Я включил ночник, Рой нашёл на полке нужную книгу про пирата и забрался под

одеяло. Я сел на ковёр у кровати, так чтобы свет ночника падал на страницы, и начал читать. Глаза у мальчика скоро закрылись, я дочитал историю до конца и замолчал. — А ты не уйдешь? — Сонно спросил Рой. — Я здесь, не переживай. — Да. И Чок тоже. — Мальчик задышал ровно и спокойно. Я подождал немного, снял перчатку и осторожно дотронулся до маленькой ладошки, что лежала поверх одеяла.

Я не потерял сознания, воспоминания мальчика легко перетекли в мою голову. Пушинки, пылинки, солнечный свет, смех мамы, сильные руки папы, что подбрасывают вверх и ловят. Беспокойство мамы о здоровье Роя, лекарства, слёзы, ссоры, мама всё время рядом, мамы долго нет. Некоторые воспоминания были размытыми и смутными, и в одном из них я узнал себя. Больничный коридор, мальчика, видимо, несли на руках мимо, я вижу склоненную голову, белые волосы до плеч, перебинтованная рука. Вижу себя, поднимающего голову и смотрящего прямо на мальчика, на моём лице ссадины на скуле, на носу и синяки под глазами. Испытываю странное чувство смотрящего на себя со стороны человека: лёгкий испуг и любопытство мальчика, и знакомая боль во взгляде. Затем я подмигиваю и улыбаюсь, и снова смотрю в телефон, на экране мелькает список имён. Контакты. Прокручиваю картинку еще раз, но список расплывается. Всё. Больше не хочу. Слишком неопишуемое впечатление производят чужие воспоминания и взгляд на себя со стороны. Значит, не очень меня жизнь радовала, я подозревал.

Рой спал, слегка приоткрыв рот, рядом с его ухом на подушке устроился зверёк и тихо мурлыкал, дремал. Я поднялся и пошёл в столовую, оставив горящий ночник и дверь в детскую слегка приоткрытой, Рою так спокойнее.

Глава 5

Следующий день я проверил запасы, приготовил жаркое и рис с подливом, сбегал и проверил теплицы, нарвал полный таз клубники и зелени. Наладил полив в одной из теплиц. В здании, где по определению должны быть коровы, судя по доильным аппаратам, только белая пыль. Может, оно и к лучшему? Какой из меня фермер, а если бы коровы сдохли до моего появления, намучился бы убирать их трупы. В курятнике тоже пусто. Без мяса будет скучновато. Надо подумать о защите дома, всё же здесь есть электричество и вода, и скоро выжившие потянутся из города. Я аккуратно свернул простынь с пеплом в комнате родителей Роя, убрал в коробку, и навёл небольшой порядок. Рой с утра был молчаливым и послушным. Утром я включил ему душ и дал чистую одежду, помылся сам. Мы хорошо пообедали, и я думал немного отдохнуть и поиграть потом с ним в мяч, а к вечеру посмотреть изгородь, и поискать в гараже оружие. Поэтому вопрос Роя до меня не сразу дошёл. — А мы когда уйдём отсюда? — Что? Куда пойдём? — Нам надо уходить. — Нет, что ты, мы не обязаны никуда уходить. Мы можем жить здесь, какое-то время точно. — Нет. Мы должны сегодня уйти. — Сегодня? Но почему? — Я боюсь того, что придёт оттуда, — Рой уверенно показал в угол комнаты. — Погоди-погоди. Кто придёт, — я посмотрел на сидящего на плече мальчика зверька:

— Это он тебе сказал? — Нет. Я сам знаю. У меня живот сжимается. — Пфф. Значит, ты боишься того, кто придёт. А кто или что придёт? Рой молчал. Смотрел на меня, чуть не плача, и молчал. — Похоже, ответа ты не знаешь. Я обхватил голову руками. Если так подумать, дом недалеко от города, из которого я пришёл, и защиты здесь толком никакой, и за едой надо будет всё же выбирать. С другой стороны, куда нам идти? — Рой, — я постарался смягчить свой хриплый голос насколько мог: — Ты точно хочешь уйти? — Нееет. — Губы у мальчика задрожали: — Здесь будет плохо. — Ага. Когда это будет: сейчас или вечером, или ночью? — Скоро. Нам надо уже уходить. — Ладно. Что ты хочешь с собой взять? Учти, нести тебе самому, в синем рюкзаке. Хорошо, давай, собирайся. Если мальчик ошибается, то никогда не поздно вернуться. Рой убежал в детскую. Я порылся в картинках его памяти, нашёл аптечку, взял лекарства, на всякий случай, и бинты, йод. Залез в чулан, выудил хороший рюкзак и спальник. Подходящей мне обуви не оказалось, что ж, в чём пришёл, в том и уйду, надеюсь, кроссовки меня не подведут. В теории я уже знал, как управлять автомобилем, это лучшее решение – попробовать сейчас, пока время есть. Я направился в гараж, там стоял грузовичок и старенький пикап. В голове вспыхнуло: «неубиваемый Датсун». Благо, ключи оказались на полке. Мне нужно было залезть в чужую память поглубже, чтобы выудить все данные об этой машине, и знать, что взять с собой в дорогу, но на-

прыгаться даже не пришлось. Вместо склада с контейнерами чужих воспоминаний мысленным взором я увидел помещение с комнатами, и ко мне вышел мужчина в синем комбинезоне с рисунком бабочки на кармашке. Мы пожали друг другу руки, и я, это похоже на инсайт, будто разом понял всё, будто знал изначально или вспомнил. Признаюсь, это крутое ощущение, дальше я делал всё быстро и очень уверенно. Через полчаса машина уже стояла перед домом, а в кузове стояли канистры с бензином, нужный инструмент и вещи. «Кто я?» - мелькнуло и быстро погасло в сознании. На улице поднимался ветер, у меня вдруг поднялись дыбом волосы на голове и в воздухе стали потрескивать короткие разряды. Из дома выбежал Рой с маленьким рюкзачком, на голове его, крепко вцепившись в распущенные волосы, сидел зверёк и пищал от страха. Мы запрыгнули в машину, я дал по газам и, машина рванула с места. Не раскрывая ворот, я снёс их вместе с изгородью, и мы выехали на трассу. Вокруг нас стремительно темнело, внезапно заиграла музыка, потом послышался треск и раздался такой же трескучий голос, он временами пропадал, то появлялся снова, но я разобрал слова: — Всем, всем, всем, кто нас слышит. Приезжайте в Город, здесь Рай на земле. Здесь место для всех живых и нет торнадо. Вам не надо будет больше бояться, не надо заботиться о еде и жилье – вам подберут то, что вам нужно, на ваш вкус и цвет. Трасса Р-280. Мы вас ждём. В зеркале заднего вида я разглядел три чёрные столба, они кру-

жили на том месте, где раньше был дом мальчика. Временами небо озарялось яркими вспышками. — Мы успели, Рой, слышишь меня? — Я посмотрел на мальчика, вжавшегося в автомобильное кресло. Он мотнул головой и отвернулся. И я бы хотел ему посочувствовать, мне было жаль, наверное, в груди сдавило и ком подкатил к горлу. Эти странные ощущения нахлынули на меня и отступили, и я снова стал уставшим и пустым. Впереди далеко за горизонт уходила дорога, небо вновь стало светлеть, солнце золотило поля, отражалось в лужах и стремилось к закату. — Рой, там, на заднем сидении подушка и одеяло, если устанешь, можешь вздремнуть. Я буду ехать до темноты или до ближайшей заправки или магазинчика, потом поужинаем и где-нибудь заночуем. Между сидениями коробка с едой, можешь поесть. В бутылках вода и где-то пачка молока. Не пропадём. Ты взял свою любимую книжку? — Спросил я. Мальчик кивнул. Я помолчал и снова спросил: — Рой, как ты сейчас, живот болит? — Нет. И в голове больше не жужжит. — А раньше такое у тебя было? — Не так. — Угу. Ладно. Если почувствуешь похожее, обязательно говори мне. Договорились? — До-го-во-ри-лись. — Рой произнёс слово по слогам и потом еще несколько раз быстро, будто пробуя слово: — До-го-во-ри-лись, до-го-во-ри-лись, догово-ри-лись. — Последний раз проговаривая его в унисон вместе со своим питомцем. — Знаешь игру в цифры? — Вдруг сказал я, чьё-то воспоминание бесцеремонно вторглось в моё сознание. — Нет. — Правило такое: мы бу-

дем с тобой считать до десяти, только не договариваясь чья очередь, а если назовём одну цифру вместе, а не по очереди, то начнём счёт заново. Ты умеешь считать? — До десяти. — подтвердил Рой. — Хорошо, тогда поехали. Один. — Два. — Три. «Четыре» мы сказали вместе и начали счёт заново. Рой быстро понял правило игры и смеялся, когда мы называли очередную цифру одновременно.

Ближе к ночи мы добрались до небольшого посёлка, растянутого вдоль дороги, я свернул на ближайшую улицу и остановился у дома, рядом с которым на чурбаках стоял небольшой автобус. Рой спал на заднем сидении, я тихо прикрыл дверцу машины, не захлопнув до конца, и направился к дому. Стены дома пахли свежей побелкой, а от аккуратного палисадника шёл изумительный аромат цветов. Я поднялся на крыльцо и дернул за ручку, дверь резко распахнулась, на полу лежал пепел. Я уже знал, что пепел — это всё, что остаётся от людей, и понял, что

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.